

Лидия Петровна Истомина:

«Я училась всю свою жизнь»

Виктория Круглова
(исполнительный директор Ассоциации выпускников, преподавателей и друзей ХНУ имени В. Н. Каразина, руководитель проекта «Видеоистория: Университет в моей жизни»):
Сегодня у нас в гостях, в Ассоциации выпускников университета, наш дорогой друг – друг Ассоциации, друг университета, друг журнала «Университеты» Лидия Петровна Истомина. Лидия Петровна – выпускница биофака 1955 года. И сегодня мы бы хотели поговорить с Лидией Петровной об университете в ее жизни, о ее друзьях, семье, о связях с университетом.

Лидия Петровна, первый вопрос, который я хочу Вам задать: Вы харьковчанка?

Лидия Истомина: Нет.

В. К.: Почему Вы тогда поступили в Харьковский университет?

Л. И.: Когда мы жили на одном из сахарных заводов, большими друзьями моих родителей была семья старшего химика завода Бычкова. Его старшая дочь училась на биофаке Харьковского университета. Это была любимая студентка профессора биофака Страхова¹. Ирочка Бычкова (позже Ирина Михайловна) в 1949 году окончила университет, и ее оставляли на кафедре. Но так как у нее

были очень большие проблемы со зрением, она вернулась в семью родителей и работала в средней школе. У меня она уже не преподавала, потому что школу я окончила в 1950 году. Но с 1946 года мы часто общались семьями. И вот она всегда с нами, младшими, вела беседы. Поэтому я очень много слышала об университете, о биофаке.

У меня с детства было желание поступить в медицинский институт. Но я прислушивалась к рассказам Ирины Михайловны. Тогда уже я знала, что есть такие направления в науке, как биология на стыке с медициной. Я этим начала немножечко интересоваться. И вот

¹ Страхов Тимофей Данилович (1890–1960) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, создатель Харьковской школы фитопатологов, член-корреспондент АН УССР (1948), почетный академик ВАСХНИЛ (1956), заслуженный деятель науки УССР.

в 1950 году я приехала в Харьков, сдала документы, решив поступать на биофак университета.

Во время вступительных экзаменов мы с несколькими девочками из разных городов Украины (из Дружковки, Запорожья) жили в доме, который находится рядом с ХИРЭ². Это было общежитие, которое только-только построили, еще даже не было балконов. Когда мы готовились к экзаменам, у меня (так как я окончила провинциальную школу) был какой-то комплекс. Я все думала: как я буду выглядеть на фоне горожан со своими знаниями? Но я училась в такой школе (в 10 классе нас было всего 14 человек), в которой преподавали учителя, работавшие еще в гимназиях. И когда я приехала на консультации, поняла, что я «на коне». В общем, все экзамены (а были устные экзамены) я сдавала практически без обдумывания. Программа у всех одинаковая. Ни у кого не было никаких репетиторов, которые предлагали что-то свое и как-то по-своему. (Вообще, слово «репетитор» было в какой-то мере даже позорным. Если у кого-то что-то не складывалось — с языком, например, с математикой, — преподаватель говорил: «Все, остаешься после уроков, мы будем репетировать». То есть это слово всегда было негативным в нашем восприятии.) Я только тратила время на решение задач по физике или по химии, а так брала билет и сходу могла отвечать на любой вопрос. Все экзамены я сдала на отлично.

После экзаменов на предварительных собеседованиях предполагалось, что мы можем получить общежитие. Разъехались по домам. Приезжаем накануне 31 августа, даже, по-моему, мы приехали 31-го, а нам говорят: «Никакого общежития нет». Папа на войне не погиб (а были льготы только для таких детей), мест в общежитии не так и много, в общем устраивай-

тесь, как хотите. Что делать? Переночевать негде, и первую нашу ночь перед 1 сентября 1950 года мы провели в подвальном помещении студенческого общежития на Павловом Поле. Были там какие-то поломанные стулья, короче говоря, полная неподготовленность.

1 сентября — пятница, физкультурный день. Нас всех везут на стадион «Локомотив», а мы же на каблучках. Но нужно бежать какие-то там 100-метровки, полкилометра... Вот так мы встретили 1 сентября.

в то время оказалась в Харькове. Родственники Бычковых жили в районе ХТЗ в своем доме, а дети, так как зять был военным, в это время уехали в Германию. И у них на улице Бассейной (теперь это Петровская) недалеко от Юмовской (сейчас это улица Гуданова) была однокомнатная квартира, в которой мне разрешили пожить. Ну я же одна не буду жить, у меня еще три сокурсницы. И мы стали жить вчетвером в однокомнатной квартире.

Было очень плохо с водой. Пятый этаж. Я в семье была приучена следить за водой. Когда мы переехали (а моя семья жила на втором этаже), соседи говори-

1-й курс биофака. Гайдари, биостанция ХГУ.
 Нижний ряд 3-я слева направо Лидя Шевченко (Истомина). 1951 год

Дальше нужно решать вопрос с жильем. Было все плохо. Во-первых, потому что прошло всего лишь пять лет, как окончилась война. Ясно, что всё в полуразрухе. В принципе город был как-то расчищен, ходило даже такое слово «осквернен», потому что на месте разрушенных домов разбивали скверики и говорили: «Все, осквернили, и этого достаточно». А жить то где-то нужно. Телефонной связи с родителями не было, но была связь с Ириной Михайловной, которая

ли: «У нас таких соседей больше никогда не будет. За все годы на нас ни разу не капнула вода». А здесь получилось так, что девочки жили в разных условиях, забывали иногда закрывать кран. То есть пока мы там жили, соседи страдали от потопов, и в конце концов нам пришлось с этой квартирой расстаться.

Ну и начались поиски. В районе Шатиловки в частном доме мы снимали комнаты. Жили там, как минимум, по три-четыре человека. Иногда вместе со студентами

² Ныне — Харьковский национальный университет радиоэлектроники.

из других вузов. Приходилось платить довольно прилично, но заключались договора с университетом, и хозяйственная часть вместо студентов платила какую-то (не всю, конечно) сумму хозяевам квартир.

Старый биофак... У меня есть фотографии, где на дверях еще

Мечникова⁶. Мы ее называли «Бечниковская», потому что именно в этой аудитории нам читал лекции Иван Николаевич Буланкин⁷, в то время ректор Харьковского университета. Кстати, надо сказать, что тогда было засилье биологов. Ректор — биолог

Университетской. Так с 1950 года началось знакомство с преподавателями и большой, оставшейся на всю жизнь любимой биологией. Любимой не потому, что чувство сформировалось в школьное время (хотя у нас в доме очень любили и растения, и животных), это было что-то новое, что, с одной стороны, укрепило то, что в тебе было, — не знаю, признание, что ли, склонности, — а с другой стороны, это выбор на всю жизнь.

Совершенно потрясающие лекции были! Казалось бы, биохимия — сухая наука, но Иван Николаевич так читал этот предмет! Если кто-то любит поэзию, то это была сказочная поэма. Вот так же читал органическую химию профессор химфака университета Красовицкий⁹. А еще на биофаке был Нагорный¹⁰, о котором я слышала от Ирины Михайловны еще в школьные годы. Нагорный читал физиологию человека и животных. Был Эммануил Ефимович Уманский¹¹, который очень рано, в 53-м году, умер. У него, кстати, учился Михаил Григорьевич Швалб¹², любимый мой Миша, который потом был директором Центральной библиотеки нашего университета.

Лекции Уманского были посвящены зоологии беспозвоночных, и еще он читал совершенно потрясающий курс (он проходил у нас как факультатив) — эмбриология. Лектор был от Бога. Ирина

С 1950 года началось знакомство с преподавателями и большой, оставшейся на всю жизнь любимой биологией. Любимой не потому, что чувство сформировалось в школьное время, это было что-то новое, что, с одной стороны, укрепило то, что в тебе было, — не знаю, признание, что ли, склонности, — а с другой стороны, это выбор на всю жизнь

сохранились дореволюционные таблички, на которых написано: «Кабинет профессора...» с -ять³. Была, помню, аудитория имени Арнольди⁴... Позже, когда там организовали музей⁵, я удивилась, что все эти, так сказать, аксессуары убрали. Это же история. Жаль...

На первом этаже также была огромная аудитория имени

И. Н. Буланкин, проректор — биолог В. И. Махинько⁸. И этот биофак был более чем родным. Это был второй дом, где мы толклись и во время лекций, и после них. В общем, он был очень уютный, приветливый, компактный.

Все биологические лекции проходили там. Физику, химию мы слушали в старом корпусе на улице

³ Ъ — буква исторической кириллицы, ныне употребляемая только в церковнославянском языке.

⁴ Арнольди Владимир Митрофанович (1871–1924) — доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники Харьковского университета (с 1903 г.), директор Ботанического сада. Создал и возглавил харьковскую школу альгологов.

⁵ Речь идет о Государственном музее природы ХНУ имени В. Н. Каразина, который находится по ул. Тринклера, 8. После войны здесь располагался биологический факультет Харьковского университета.

⁶ Мечников Илья Ильич (1845–1916) — выдающийся микробиолог, цитолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог, патолог, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины (1908). Один из основоположников эволюционной эмбриологии, первооткрыватель фагоцитоза и внутриклеточного пищеварения, создатель сравнительной патологии воспаления, фагоцитарной теории иммунитета, теории фагоцителлы, основатель научной геронтологии. Окончил Харьковский императорский университет (1864).

⁷ Буланкин Иван Николаевич (1901–1960) — доктор биологических наук, профессор, академик АН УССР, ректор Харьковского университета (1945–1960). Заведовал кафедрой биохимии ХГУ (1933–1960).

⁸ Махинько Владимир Иванович (1907–1988) — кандидат биологических наук, доцент, проректор Харьковского университета (1952–1960).

⁹ Красовицкий Борис Маркович (1916–2008) — доктор химических наук, профессор кафедры органической химии Харьковского университета (до 1970 г.), заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат премии Совета Министров СССР, лауреат Государственной премии Украины.

¹⁰ Нагорный Александр Васильевич (1887–1953) — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой физиологии человека и животных Харьковского университета (1929–1953), основатель и директор НИИ биологии ХГУ (1944–1953), проректор по научной работе университета (1944–1948). Заслуженный деятель науки УССР, член-корреспондент АН УССР. Известный геронтолог и физиолог.

¹¹ Уманский Эммануил Ефимович (1904–1953) — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных (1939), директор НИИ биологии ХГУ (1953).

¹² Швалб Михаил Григорьевич (1926–1995) — известный харьковский библиограф. Работал в Центральной научной библиотеке Харьковского университета с 1949-го по 1995 год.

Михайловна мне рассказывала, что Иван Николаевич Буланкин, Уманский и еще несколько преподавателей вернулись в университет после войны, и ей они еще преподавали в гимнастерках, в галифе, в солдатских тяжелых ботинках. Но это не мешало их любить.

Прекрасные лекции были у Красовицкого, у Козырева¹³ (это анатом и гистолог). Замечательно читала физику Марья Николаевна Горностаева. Мы еще застали Хотинского¹⁴, а потом, после Хотинского, неорганическую химию нам читал профессор Давыдов¹⁵. Хотинский — маленький старичок, которому мы задавали такие идиотские вопросы, но никогда в жизни не почувствовали при этом унижительного к нам отношения. Например, мы Хотинского терзали: «Почему соль — химическое вещество? Почему она соленая, а сахар сладкий?» И он терпел, пытался как-то объяснить и втолковать, что это к химии имеет косвенное отношение, это уже биология и физиология, это вы будете дальше изучать.

Вот я назвала тех, которые все были действительно прекрасными преподавателями.

Недавно отметили столетие со дня рождения Прокудина¹⁶, профессора ботаники, и Александры Михайловны Матвиенко¹⁷, которая вела у нас практические занятия по низшим растениям. Лекции по этому предмету читал профессор Леонид Андреевич Шкорбатов¹⁸. Потрясающие были практические занятия по физике, по химии,

по биологическим дисциплинам. Практические занятия первого курса проходили на биостанции в Гайдахрах Змиевского района, а уже со второго курса у нас начались экспедиции. Это была отдельная часть

ника Аскания-Нова. Вот мы изучали огромный черноземно-степной заповедник, который так и назывался — Центрально-черноземный заповедник.

С первого курса, как всегда, были сформированы группы, в основном по признаку изучения иностранных языков: те, кто изучал немецкий, и те, кто изучал

С 1953 года моя специализация проходила на кафедре энтомологии. Но поскольку во мне все еще жило желание заниматься биологической профессией, которая каким-то образом была связана с медициной, я сориентировалась на медицинскую энтомологию

учебы, контактов, понимания всего окружающего, перенесение вот того, что мы получили на лекциях, туда, где ты сталкиваешься с этой природой.

Ездили, надо сказать, по всей Украине. Я была в экспедициях, изучавших лесостепную и степную зоны. Граница между этими зонами у нас проходит в районе Меревы и Змиева, а южнее уже идут степные районы вплоть до юга Украины. К сожалению, экспедиции, в которых я бывала, не дошли до заповед-

английский. У нас было всего два иностранных языка. В моей группе с первых же дней учебы у меня появился большой друг, с которым мы поддерживали связь потом всю жизнь. Это был сын Сергея Ивановича Медведева¹⁹, профессора, заведующего кафедрой энтомологии нашего университета, который много лет проработал в Аскании-Нова. До войны деканом нашего факультета был профессор Илья Михайлович Поляков²⁰. Буквально на днях я взяла стено-

¹³ Козырев Григорий Сильч (1901–1984) – доктор химических наук, профессор. С 1943-го по 1974 год преподавал на разных кафедрах биологического факультета Харьковского университета. Известный анатом, гистолог и антрополог.

¹⁴ Хотинский Евгений Семенович (1877–1959) – химик-органик, доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки УССР. Заведовал кафедрой неорганической химии (1911–1920) и кафедрой органической химии ХГУ (1944–1959).

¹⁵ Давыдов Александр Тимофеевич (1906–1976) – доктор химических наук, профессор, проректор по учебной работе ХГУ (1933–1935). Заведовал кафедрой общей химии химического факультета Харьковского университета (1938–1976).

¹⁶ Прокудин Юрий Николаевич (1911–1992) – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой ботаники Харьковского университета (1971–1986).

¹⁷ Матвиенко Александра Михайловна (1910–1996) – доктор биологических наук, профессор, ученый-альголог.

¹⁸ Шкорбатов Леонид Андреевич (1884–1972) – кандидат биологических наук, профессор, заведующий кафедрой низших растений Харьковского университета.

¹⁹ Медведев Сергей Иванович (1899–1979) – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой энтомологии Харьковского университета (1947–1971). Выдающийся эколог, зоогеограф, энтомолог, основатель Харьковской научной энтомологической школы.

²⁰ Поляков Илья Михайлович (1905–1976) – доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой дарвинизма и генетики Харьковского университета (1944–1948). Работал в Институте генетики и селекции АН УССР (1947–1956), директор Украинского НИИ растениеводства, селекции и генетики им. В. Я. Юрьева (1963–1974). Член-корреспондент АН УССР.

грамму сессии ВАСХНИЛ, которая прошла в 1948 году. Власть, если можно так сказать, большой биологии перешла в руки Лысенко и его помощников²¹. Еще до 48-го

будущего профессора нашего факультета С. И. Медведева.

Мы, биологи, и, конечно, вся наша отечественная биология были лишены многого. Нам чита-

преподаватель профессор Буланкин говорит, что это бред сивой кобылы». Ее, конечно же, сразу схватили, начали трясти, она побежала к Ивану Николаевичу, тот говорит: «Успокойся. Я этот вопрос решу». В общем, затушили инцидент. То есть благодарность пожизненная за то, что мы были совершенно юные, ни к чему не подготовленные в своем отношении и не были сломлены вот этой жуткой репрессивной волной. Никогда открытым текстом ни Иван Николаевич Буланкин, ни Нагорный, ни Прокудин, ни тем более Сергей Иванович Медведев (я говорю «тем более», потому что я уже была сориентирована на эту кафедру) открытым текстом не говорили, что это шарлатанство, безобразие, которое свершилось. Все было непросто. Я когда пересмотрела стенограмму, поняла, насколько это было ужасно. С первых же страниц в докладе у Лысенко прозвучало, что есть такие ученые, как профессор Поляков из Харькова, который выступает в защиту вейсманистов-морганистов²³, не просто в защиту, а говорит, что это же действительно наука. Как же потом горько и больно, когда в конце Шмальгаузен, крупнейший отечественный биолог, и Илья Михайлович Поляков (я потом даже его знала лично) сдались. Поляков сдался на последних страницах. Он выступил и сказал: «Да, я за это время многое передумал. Я был не прав, это действительно лженаука, а вот основная наука — это наука Мичурина, наука Лысенко». Причем лысенковцы еще ухитрялись спекулятивно протаскивать Дарвина и дарвинизм. Выдергивали то, что им было

На фоне кортуса Харьковского университета по ул. Тринклера, где находился биологический факультет. Слева направо: Лида Шевченко, Шура Москалева, Мая Вытова, Валя Пащинская, Нина Золотухина, Зара Жукова. Начало 1950-х годов

года знаменем, так сказать, с которым Лысенко шел по жизни, был профессор Презент. Вот Презент приложил руки к тому, что Сергею Ивановичу в тридцать каком-то году пришили дело, что он работает на иностранную разведку, и посадили. Господи, в Аскании-Нова, где Медведев работал, кроме биологии, ботаники, зоологии, энтомологии, никакая политика его не интересовала. Но так получилось. Однако в то время еще имела силу биологическая общественность, которая в течение полугода вырывала Сергея Ивановича из этих застенков. И Иван Николаевич Буланкин принимал участие в освобождении

ли биологию «по Лысенко». В это время появилась Ольга Борисовна Лепешинская, которая рассказывала, что когда мы растираем гидру, то видим зарождение живого вещества. И я помню, как моя сокурсница Лида Утевская²², студентка кафедры биохимии, кафедры Буланкина, в разговоре с Иваном Николаевичем сказала о «зарождении живого существа», он ответил: «Да бред это сивой кобылы. Не обращайтесь внимания». А мы такие были наивные и немножко даже дурноватые, потому что когда в общении с другими преподавателями возник этот вопрос, Лида Утевская прямым текстом сказала: «А наш

²¹ «Лысенковщина» — политическая кампания по преследованию и шельмованию группы генетиков, отрицанию генетики (вейсманизма-морганизма) и временному запрету генетических исследований в СССР. Получила свое название по имени Т. Д. Лысенко, ставшего символом кампании, которая развертывалась в научных биологических кругах примерно с середины 1930-х до первой половины 1960-х годов. Ее организаторами были партийные и государственные деятели, в том числе сам Сталин, представители марксистско-ленинской философии, деятели в области биологии и пр.

²² Утевская Лидия Ароновна (1933–2008) — кандидат биологических наук. Работала на кафедре биохимии Харьковского университета.

²³ Вейсманизм-морганизм (вейсманизм-менделизм-морганизм) — термин, употреблявшийся сторонниками «мичуринской агробиологии» для обозначения классической генетики, которая характеризовалась ими как «реакционная буржуазная лженаука». В Советском Союзе критика вейсманизма-морганизма до 1965 года входила в обязательную школьную программу предмета «Основы дарвинизма». Название придумано лысенковцами (образование от имен немецкого зоолога А. Вейсмана, американского биолога, лауреата Нобелевской премии Т. Моргана, а также австрийского ботаника Г. Менделя — основоположников современной генетики).

выгодно. И великие ученые вынуждены были сдать. Но все равно их это не спасло. Их всех разослали в разные концы. Илья Михайлович Поляков был где-то, кажется, в Новосибирске; в Казахстане я позже встречала Фенкенштейна, был такой профессор-биолог, который тоже оказался в ссылке. В общем, кто куда, кого куда. И уже потом, когда я окончила биофак, много об этом читала в журналах. До 1969 года Лысенко еще был у власти. Ничего не могли с этим сделать. Вспомним Хрущева: «Мы завалим все зерном и потом завалим весь мир, что рожь, пшеница — это все будет колоситься в сумасшедших количествах». Бред! Скажем прямо, это отшвырнуло нашу биологическую науку очень далеко. Потом многие были реабилитированы, но не все вернулись. Илья Михайлович вернулся в Харьков, был директором Института генетики и селекции имени Юрьева.

С 1953 года моя специализация проходила на кафедре энтомологии. Но поскольку во мне все еще жило желание заниматься биологической профессией, которая каким-то образом была связана с медициной, я сориентировалась на медицинскую энтомологию. На кафедре специалистов по медицинской энтомологии не было, и я как-то чувствовала себя немножко неудобно перед Сергеем Ивановичем, Дорой Самойловной Шапиро²⁴. Много ездила в экспедиции, много занималась общей энтомологией, а потом высказала робкое желание, что я бы и дальше хотела этим заниматься. В институте биологии при биофаке Харьковского университета работал профессор Устинов²⁵, очень своеобразный человек. Он достаточно негативно относился к женщинам. Но раз ты на биофаке, принимай это как данность, потому что мальчиков там было всегда мало.

И тем не менее его определили моим научным руководителем. Практически свободное плавание: если что-то нужно, придешь проконсультируешься. Полная свобода.

Я попала на преддипломную практику в областную санэпидемстанцию. Полигоном для исследований у меня была территория села Утковка (это за Мерефой, в сторону Краснограда). Исследования прово-

края. Это было в генах: не навреди — значит не навреди.

В 1955 году я написала дипломную работу. Переживаний было очень много. Контакт у этого Александра Александровича в основном был не столько со мной, сколько с главным энтомологом областной санэпидемстанции — Ниной Кондратьевной Шевченко. Я иногда ей говорила и писала письма о том, что страшно переживаю по поводу защиты. Мне кажется, у меня мало материала. А потом я вдруг получила от нее письмо,

*Защита диплома Лидии Шевченко «Сезонные изменения численности и возрастного состава популяции *Anopheles maculipennis* в необрабатываемой зоне с. Утковки Харьковского района в 1954 г.». Экзаменационная комиссия слева направо: доц. кафедры зоологии позвоночных Г. С. Козырев, зав. кафедрой низших растений проф. Л. А. Шкорбатов, председатель комиссии проф. В. Г. Аверин, декан биофака доц. Г. И. Семенов. 5 мая 1955 года*

дидились под лозунгом «Не навреди». Тогда появились модные препараты для борьбы со всякими вредными насекомыми. И вот моя задача была убить личинок малярийного комара, но ничего другого не тронуть. Работалось не за страх, а за совесть. Я не думала о том, что меня может кто-то приехать проверить, потому что Александр Александрович Устинов точно не приедет в эти

где она ответила: «Не переживай, Александр Александрович тобой очень доволен». Я была приятно удивлена.

Защита диплома прошла хорошо. После защиты — сдача двух государственных экзаменов и параллельно с этим распределение на работу.

С 1953 года у меня уже появился молодой человек, кото-

²⁴ Шапиро Дора Самойловна (1897–1976) — доктор биологических наук, профессор. Работала на кафедре энтомологии Харьковского университета вместе с С. И. Медведевым.

²⁵ Устинов Александр Александрович (?–?) — доктор биологических наук, профессор, заведующий отделом экологии НИИ биологии Харьковского университета, известный медицинский энтомолог.

рый оказался любимым человеком и моим спутником по жизни в течение более 50 лет. На геологическом факультете учился Налик (Александр Николаевич) Истомин. Так его называли в семье, так его называли в университете, так его называли в спорте. Его отец Николай Петрович Истомин –

договаривались: «Встречаемся на стрелке». Это означало: на месте, где сливались две наши утлые реки. Тогда там еще можно было проводить соревнования и на каное, и на байдарках...

Мы дружили большими компаниями, знали, что происходит на физическом, на химическом

И вот 1955 год. С 1 января 1953 года мы уже с Наликом Истоминим практически не расставались, только когда были в разных экспедициях либо в командировках. Прошла долгая интересная жизнь, очень непростая, потому что жить было негде. Одна комната у его родителей. Но в мае 1955 года мы решили пожениться. Стоял вопрос о распределении на работу. Тогда была большая безработица. И я на работу могла попасть только в школу на Вольнь. Однако те, у кого были «свободные» дипломы, занимались самообразованием. Основания для получения свободного диплома – муж, к тому же моему мужу нужно было еще год учиться (он окончил геофак университета на год позже меня, в 1956 году)...

1955 год. Ему еще учиться, мне работать негде. В Харькове однозначно никаких мест, и не только для меня. Весь курс разъехался, иногородние как-то устраивались. Несколько человек подписали фиктивное назначение в семилетки – это села Чугуевского района Великая Балка и Гнилица. Туда уехали те, кому некуда было деваться. Они потом преподавали рисование, пение, физкультуру, чтобы продержаться до более благоприятных времен. А поскольку мои родители жили в Белгородской области, они говорят: «Ты приезжай сюда, и мы через облоно попробуем как-то решить вопрос. Хотя бы в школу куда-то». И действительно, я получила предложение в селе Щетиново, недалеко от Казачьей Лопани, поскольку это пограничные районы. Среднюю школу преобразовали в десятилетку, и я туда пошла работать.

Школа без электричества, вообще-то, все село без электричества. Под керосиновые лампы

Политзанятие на кафедре беспозвоночных биологического факультета. Слева направо: Инна Золотухина, Лилия Свердяковская, Лидия Шевченко, Александр Истомин, будущий муж, студент геологического факультета, Инна Коваленко, Шура Москалева. Весна, 1955 год

известный еще в довоенное время спортивный лидер и организатор, заведовал кафедрой физкультуры в Харьковском университете. Друзьями Налика по спорту были профессора нашего университета: физико-химик Александров²⁶, химик Николай Петрович Комарь²⁷, физик-ядерщик Антон Карлович Вальтер²⁸... Эти люди были не просто друзьями. Спорт с довоенных лет был второй большой жизнью. Учеба и параллельно сразу же где-то какие-то соревнования – университетские, межфакультетские, межвузовские... По-моему, все вузы туда стремились и болели каждый за своего. И мы участвовали. Между собой

факультетах. Потрясающе интересная жизнь была, отдавались ей полностью. Мой будущий муж очень любил спорт и занимал первые места по велогонке на 50 километров. Помню, они соревновались с Белгородом. По легкой атлетике – бег на километр, на 5 километров, на 10 километров. Забеги всякие... Гребля... Ну а лыжами он занимался всю жизнь. Есть доменная фотография, где Налик маленький, а рядом с ним Валентин Викторович Александров, совсем молодой, но уже такой солидный лыжник, потому что он был даже чемпионом Украины на некоторых дистанциях в довоенное время.

²⁶ Александров Валентин Викторович (1916–1998) – доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой физической химии Харьковского университета (1961–1991), декан химического факультета ХГУ (1971–1980).

²⁷ Комарь Николай Петрович (1900–1980) – доктор химических наук, профессор. Заведовал кафедрой качественного анализа Харьковского университета (1944–1961), а затем – кафедрой аналитической химии ХГУ (1961–1967). Основатель и заведующий кафедрой химической метрологии Харьковского университета (1967–1980).

²⁸ Вальтер Антон Карлович (1905–1965) – физик-ядерщик, академик АН УССР, заслуженный деятель науки и техники УССР. Работал в УФТИ с 1932 года. Соратник К. Д. Синельникова.

преподавали химию и биологию в 8–10 классах. Приезжаю туда знакомиться. До ближайшей железнодорожной станции — 18 километров, обыкновенная грейдерная дорога. Жить негде. Но самое главное — я приехала преподавать химию, и нет ни кабинета, ни единой колбы. Более того, до меня только знали, что существует химия. Ни одного урока химии в той школе не было. Ботаника в младших классах как-то преподавалась, да и дети выросли на земле. Поэтому представление о биологии у них было хорошее, практическое. Что делать? Я быстренько собираюсь и еду в Харьков. Какой-то попутной машиной доезжаю до железнодорожной станции, приезжаю сюда, и первое, что делаю, я разыскиваю Леонида Лазаревича Гельфенбейна²⁹, который на пятом курсе читал у нас методику преподавания в школе, такой себе полуфакультативный курс. Прихожу к нему домой на улицу Дзержинского (сейчас это Мироносицкая). Он со мной работает часов пять, натаскивает меня, несмотря на то что сдала его предмет на пятерки, как составлять планы, как организовывать работу кабинета, все-все-все. Безграничная ему благодарность и светлая память. Я возвращаюсь и договариваюсь со школой, что я еду в Харьков и закупаю все необходимое (в районе Пассажа был магазин «Приладдя»)...

В. К.: «Шкільне приладдя».

Л. И.: Да, «Шкільне приладдя». Так начинаю из Харькова возить все, что нужно для химического кабинета. Школа оплачивала все чеки, которые я привозила.

С транспортом было плохо. Иногда 18 километров пешком — поле, кое-где рощицы какие-то, и ничего не боялись, и на каблучках, и в каких-то ботах, и грязь — не имеет значения. В общем, был

организован химический кабинет. Проработала я там год. Истомин в это время готовил свою дипломную работу. Прибегал ко мне, не приходил, а прибегал, потому что ему, как спортсмену, преодолеть эти 18 километров было проще, чем мне. Еще было такое требование, что дипломная работа

Л.П. Истомина

должна быть написана собственной рукой. Печатная работа не принималась. Все таблицы, все карты — все вручную. У него почерк был скверный, мягко говоря, у меня в какой-то мере тогда еще ну почти каллиграфический, и вот вечерами я тушью писала его дипломную работу...

У меня была постоянная связь с кафедрой, и физическая, и духовная связь. Когда предоставлялась возможность, я часто прибегала на кафедру, виделась с Сергеем Ивановичем, Дорой Самойловной. Они нам, студентам, аспирантам:

«Вы ели?» — «Да, мы ели». — «А что вы ели? Небось, пирожки? Сейчас я поведу вас в столовую». То есть прежде всего вот такое было участие...

В. К.: Лидия Петровна, что бы Вы могли сейчас пожелать будущему поколению университетчиков?

Л. И.: Я хочу сказать, что без большой любви к своему выбранному ремеслу, к той работе, которой занимаешься, ничего никогда не получится. Любовь — начало всех начал. Нужно любить. Никогда не нужно жадничать. Если ты чем-то богат, поделись с другими. Причем опять же, с любовью, щедро — своим опытом, своими знаниями, своим отношением ко всему этому. Поделись, потому что есть пословица: «Кто отдает, тому и Бог воздаст». То есть все прекрасное в процессе общения потом возвращается к другому человеку. И в таких взаимоотношениях сохраняется непрерывная нить развития — в профессии, в жизни, в деле. Вот такое мое пожелание.

В. К.: Спасибо большое, Лидия Петровна. Очень трогательно.

Л. И.: Я не представляю себе неинтересной работы. Не представляю. При этом я, например, училась всю свою жизнь.

В. К.: Никогда нельзя переставать учиться.

Л. И.: Это бесконечный пожизненный процесс.

В. К.: Да. Спасибо Вам.

Л. И.: Спасибо Вам. Оказывается, прожить свою жизнь снова — очень трудно.

28 февраля 2012 года

²⁹ Гельфенбейн Леонид Лазаревич (1905–?) — кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии беспозвоночных и гидробиологии Харьковского университета.